

РОССИЙСКИЙ ГАРНИЗОН В ГАДЯЧЕ В 1664–1668 ГОДАХ (ЭПИЗОД СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИСУТСТВИЯ НА УКРАИНЕ)

© 2018 г. В.С. Великанов

*Канд. эконом. наук, эксперт фонда «Русские витязи»
E-mail: vladvelikanov@inbox.ru*

Статья посвящена судьбе российского гарнизона в Гадяче в 1664–1668 гг., на примере которого наглядно показаны все проблемы, с которыми сталкивалась царская администрация в малороссийских городах: это нехватка финансирования и снабжения и общая неурегулированность отношений с местными властями и населением.

The article is dedicated to the Russian garrison in Gadyach in 1664–1668. It describes in details all problems the Russian administration met in Malorussia (Little Russia), such as lack of financing and supply, general mess in communication with the local authorities and population.

Ключевые слова: Малороссия, Гадяч, война 1654–1667 гг., мятеж Брюховецкого.

Keywords: Malorussia, Gadyach, War of 1654–1667, Bryukhowecki's revolt.

DOI: 10.31857/S0869544X0000463-2

История становления российского военно-административного присутствия в малороссийских городах в 1660-х годах до сих пор недостаточно изучена в отечественной историографии. Необходимо отметить, что основные вопросы, связанные с появлением царских воевод и гарнизонов на Украине, подробно разобраны в научных исследованиях Ф.П. Шевченко и Я.А. Лазарева, а также в работах И.Б. Бабулина, А.С. Алмазова, А.О. Иваненко, И. Игнатенко, П.В. Пирога и др. [1–2]. Тем не менее, многие вопросы функционирования российской администрации в малороссийских городах изучены лишь в самых общих чертах, и одной из таких малоизвестных страниц является судьба царского гарнизона в Гадяче. Царские ратные люди появились в этом городе не сразу. Первоначально в 1654 г. воеводы и гарнизон были введены лишь в Киев, и только в 1659 г. российское военно-административное присутствие было расширено еще на три малороссийских города: Переяславль, Чернигов и Нежин. Все эти

города еще с польских времен пользовались правами широкого городского самоуправления (так называемое «магдебургское право»), которые были в 1654 г. подтверждены царем Алексеем Михайловичем. В них полностью сохранялось местное самоуправление и судопроизводство, и права воевод сводились, по сути, лишь к представительской функции, а также администрированию части налогов, шедших на содержание гарнизонов и укреплений, и обеспечению охраны и безопасности в городе. В 1660–1663 гг. царское правительство старалось соблюдать Переяславские статьи, и российское военно-административное присутствие было ограничено лишь указанными четырьмя городами, хотя отдельные воинские отряды могли на ограниченный срок вводиться и в другие города (например, Белая Церковь, Канев, Кременчуг и др.).

Появление царского воеводы и гарнизона в Гадяче связано с именем гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого. Новый гетман не имел значимой поддержки среди казачества и весной 1664 г. попросил царское правительство предоставить в его распоряжение в качестве личной охраны двухтысячный отряд царских войск, а также ввести постоянный гарнизон в его столицу – город Гадяч. Надо отметить, что с подобной просьбой о вводе в город царских ратных людей «для защиты от воровских казаков и польских людей» жители Гадяча обращались и ранее, осенью 1663 г. [З. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 538. Л. 72–73], но тогда царское правительство решило не нарушать условий Переяславских статей и не обострять отношения с казаками, отказав мещанам в этой просьбе. Первым гадячским воеводой был назначен стольник Петр Дмитриевич Скуратов, в том же 1664 г. его сменил стольник Кирилл Осипович Хлопов (переведен из Канева), а в 1665 г. – стольник Федор Васильевич Протасьев. В отличие от воевод других малороссийских городов, гадячский воевода первоначально не имел полномочий на управление городом и сбор налогов с местного населения. Его основной задачей было осуществление представительских функций при гетмане, а также его охрана и силовая поддержка. Власть воеводы была ограничена только ратными людьми его воеводского полка и гадячского гарнизона. В 1664 г. вместе со Скуратовым в город были введены 2275 царских ратных людей, включая рейтарский полк Якова Тура и солдатский полк Николая Балка, а также 270 орешковских казаков [З. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 597. Л. 175]. При этом по договоренности с Брюховецким полк Балка был размещен в Гадяче как постоянный гарнизон («жилой полк»), а остальные части были присланы для поддержки гетмана и должны были сменяться каждый год. Летом следующего 1665 г. в окрестностях Гадяча уже были размещены рейтарские полки полковника Якова Тура и подполковника Непейницына, солдатские полки полковников Николая Балка и Анца Олофа Грана и станица донских казаков атамана Андрея Кутепова. В самом Гадяче царские войска были расквартированы по мещанским домам в «нижнем городе» и несли караулы на городских воротах, а замок («верхний город») находился под контролем казачьего гарнизона (200 чел.) гадячского наместника Мамчича и гадячского сотника Павла Животовского.

Нормы снабжения царских ратных людей, находившихся в гарнизонах малороссийских городов, были определены Батуриными статьями 1663 г. В частности, городским воеводам давалось «на прокорм» по мельнице с двумя

колесами, стрелецкие головы и полковники должны были получать продовольствие из расчета по 50 осьмачек ржаной муки на год, подполковники и майоры — по 25 осмачек, ротмистры и капитаны — по 20 осьмачек, поручики, прапорщики и стрелецкие сотники по десять осьмачек, рядовые рейтары, драгуны, солдаты и стрельцы — по четыре осьмачки [4. С. 131]. В частности, гадячскому гарнизону для кормления кроме самого Гадяча были выделены города Опошня, Миргород, Ромны и Котельва. Войтам указанных городов гетманом Брюховецким выдавался лист «чтобы того города жители давали статею (продовольствие в соответствии с нормами, заложенными в Батуриных статьях. — *В.В.*) [...], статею имали, а лишней статеи ни у кого не имали». Однако сами механизм и нормы сбора различных видов продовольствия в соответствии с указанными «статейями» не были четко зафиксированы, что приводило к многочисленным нарушениям и хозяйственным конфликтам между русскими гарнизонами и местными властями. Например, при размещении рейтар Непейцына в Миргороде в 1665 г. миргородскому войту был послан указ Брюховецкого давать русским «начальным и рядовым ратным людям и конем их всякую стацею без отказа». Непейцын, предвидя возможные недоразумения, попытался уточнить у гетмана нормы снабжения своих людей, но в ответ получил расплывчатую фразу «статею имать в городах, которые ему указы, что ему надобно» [5. С. 288–289]. На практике это выглядело следующим образом: в населенный пункт присылался офицер с небольшой командой, задачей которой было собрать в соответствии с некими «листами» необходимое продовольствие, причем не только муку, но и мясо, яйца, молоко, масло и другие продукты. Местным жителям выдавались расписки («росписи») с указанием собранных припасов, на основании которых городские власти отправляли затем сводную ведомость гетманскому обозному Ивану Кусту, которому Брюховецкий поручил следить за снабжением царских войск. Вместе с офицером отправлялся и представитель от гетмана, следивший за тем, чтобы «стацею по мере брали, а не с досадою». В ряде случаев, гетманские представители вступали в конфликт с царскими ратными людьми из-за неправомерности ряда поборов, в частности, в Опошне капитан Трутман и его команда одного прикомандированного казака избили, а другого заставили уехать обратно в Гадяч [5. С. 300]. Во время пребывания продовольственной команды в местечке ее снабжение осуществлялось местными жителями сверх «статей», причем часто царские ратные люди злоупотребляли своими правами. Например, капитан Никита Владиславлев задержался в такой командировке на пять с половиной недель, и все это время пьянствовал за счет хозяев, выпив две бочки и 22 ведра («цедро») пива [5. С. 302]. Подобная нечеткость в процедуре привела к многочисленным разночтениям между царскими ратными людьми и местными жителями как в количестве необходимых припасов, так и в фактически собранных объемах. В частности, в том же Миргороде, по данным Непейницына, с июля 1665 по февраль 1666 г. было взято 185 осмачек житной муки, три осмачки круп, четыре пуда коровьего масла, 84 кварты вина, 50 кур, десять яловиц, 41 баран и другое продовольствие. По данным же городских властей, кур было 62, а не 50, кроме того, были взяты 15 осмачек овса, 172 воза сена и др. В подтверждение своих слов войт предъявлял расписки, подписанные самим Непейницыным [5. С. 288–289]. Этот конфликт был не единственным, и обилие жалоб на царское имя от малороссийских жителей «на насильства и обиды

нестерпимые» привело к тому, что в январе 1666 г. был назначен особый «розыск» (расследование), который был поручен товарищу белгородского воеводы стольнику Петру Андреевичу Измайлову. Розыск продолжался почти полгода (с января по июнь 1666 г.), и в сохранившихся бумагах Измайлова мы можем найти множество красочных деталей, касающихся взаимоотношений царских гарнизонов и местных жителей. Расхождения в данных о собранном продовольствии у царских офицеров и городских властей встречаются не только в Миргороде, но и в Ромнах и Опошне. В Опошне, где квартировала часть полка Балка, ратные люди отказывались выдавать расписки за взятые припасы («всей стаеи в расписках не писали»), либо указывали неверные данные. Например, по данным Балка, его людьми в Опошне было собрано 454,5 осмачек ржаной муки и 118 ова, а по данным войта Макаренко — 531 и 180 соответственно [5. С. 301]. Надо отметить, что расхождения в учете возникали и между представителями царской администрации. В частности, полковник Анц Олоф Гран, квартировавший со своим полком в Котельве, обвинил воеводу Протасьева в приписках лишних людей в книгах для выдачи месячных кормов, а когда это было обнаружено полковником, то воевода якобы попытался подговорить поручика Петра Мичурина убить его. В свою очередь воевода жаловался на Грана за непослушание.

Кроме проблем со сбором и учетом продовольствия, розыск Измайлова также выявил многочисленные бытовые конфликты с участием царских ратных людей и местных жителей. Одна из наиболее ярких историй произошла 2 ноября 1665 г. в Гадяче. В гости к майору полка Балка Гедеону Франку приехали рейтарский полковник Яков Тур и ротмистр его полка Мартын Болман. После обильных возлияний пьяные гости пошли гулять по ночному городу, где между ними и несколькими местными жителями произошел небольшой конфликт. Один из мещан убежал от офицеров в «верхний замок», где на карауле стояли городовые казаки. Казаки отказались пустить офицеров в замок, и взбешенный Тур вернулся в город, где собрав несколько царских солдат и офицеров, повел их на штурм замка: «к замку приступал, и по воротам из ружья стрелял и шпагою ворота рубил!» Не сумев попасть в замок, Тур двинулся к городской тюрьме, где разогнал нескольких стражников и выпустил на свободу содержавшихся там 22 пленных поляков и двух немцев [5. С. 277–281]. Другой участник того же застолья, капитан Вилим Полсон, возвращаясь домой, по ошибке приехал во двор городского писаря Федора Трушенка и начал ломиться внутрь. Вышедший на шум хозяин двора ударил его лопатой и заперся в доме. Тогда Полсон позвал на помощь своих солдат, которые выбили дверь и скрутили хозяина. Разобравшись в ошибке, Полсон удалился, но Трушенку были нанесены побои, и кроме этого в суматохе из дома пропали многие вещи [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 585. Л. 43–57; 3. С. 280–282]. Еще ранее, 1 сентября 1665 года, тот же Тур стал участником другой пьяной выходки, уже в городе Котельва, где квартировал его полк. После празднования наступления Нового года (до 1700 г. календарный год в Российском государстве начинался 1 сентября) он пьяным ездил по городу, стреляя по сторонам из пистолета («стрелял на дворы ездя по рынку»), при этом одна из пуль чуть не попала в котельвинского наказного полковника Ефима Вечерку [5. С. 291]. По результатам розыска

Полсон был наказан батогами, о каких-либо последствиях для Тура и Болмана упоминаний в материалах дела нет. Также в материалах следственного дела Измайлова упоминаются многочисленные кражи, поборы и драки между солдатами гарнизона и местными жителями. Некоторые истории носили почти детективный характер: ночью 31 октября на рынке Гадяча неизвестными была ограблена лавка мещанина Трофима Трегуба, и украдено денег и товара на 500 рублей, при этом караульные во главе с поручиком Кондратом Меером, стоявшие всю ночь на посту в 15 метрах («7 саженьях») от места происшествия ничего не видели и не слышали [5. С. 286–287]. Любопытно отметить, что практически все описанные конфликты заканчивались примирением сторон, причем пострадавшие местные жители сами просили о смягчении наказания. Это, на мой взгляд, подчеркивает бытовой и не экстраординарный характер происшествий.

В 1665 г. царское правительство решило упорядочить численность царских гарнизонов в малороссийских городах, а также правила и нормы их снабжения и финансирования, переложив эту обязанность полностью на местное население. В соответствии с Московскими статьями 1665 г., вся территория Малороссии была разделена на 15 уездов, во главе каждого из которых был поставлен царский воевода, отвечавший за сбор продовольствия и налогов на подведомственной территории. В ноябре того же года в дополнение к указанным статьям царем были утверждены и нормы денежного и натурального налогообложения для мещан и селян. В частности, хлеб для гарнизонов малороссийских городов должен был собираться по следующим нормам: «с поселян с плуга со 8 волов по полумерке ржи и овса пополам, денег по рублю, а в мерке 8 осьмачек; а в котором плуге 6 или 4 или пара волов или лошадь, а лошадь в плуге против двух волов, и с тех имати хлебные и денежные доходы по расчету против осьми волов, чтоб мещаном и поселяном во время войны было не втягость» [1. С. 250–251]. Гадяч, с одной стороны, был отдан во владение гетману, но при этом в городе размещался царский гарнизон и воевода, которые должны были содержаться за счет самого города и прилегающего уезда: «а в волости Гадицкой Зиньковского полку те города обретаются: Котельва, Опошня, Кузьмин, Грунь Черкасская, Зиньков, Лютенька, Веприк, Комышная, Ковалевка, Бурок» [4. С. 146]. Однако численность гарнизона и размер собираемых на его содержание налогов и припасов вновь нигде в документах определены не были, что привело к проблемам с его снабжением. Брюховецкий указанные статьи трактовал таким образом, что за счет местных жителей должен был содержаться только жилой солдатский полк Балка, а присылаемые на «годовалую службу» белгородцы должны были содержаться за счет царской казны, и с середины 1666 г. постепенно начал сокращать поставку продовольствия «по стацеям». Определенную поддержку такой позиции оказали и уже упоминавшиеся результаты розыска Измайлова, вскрывшего многочисленные злоупотребления в сборе припасов и бесчинства со стороны ратных людей. В свою очередь, царское правительство никак не отреагировало на изменение практики содержания гадячского гарнизона и не предприняло никаких мер для дополнительного снабжения продовольствием и присылки денежного довольствия. Причем ситуация усугубилась в начале 1667 г., когда из-за бюрократической не-

точности на службу в Гадяч не была прислана очередная смена белгородских ратных людей. По царскому указу от 5 января 1667 г. белгородский воевода Репнин должен был послать перемену в гарнизоны Киева и Полтавы, но в списке не был упомянут Гадяч. Воевода не посмел ослушаться указа и запросил Москву, что ему делать [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 597. Л. 176]. Переписка затянулась, и новая партия белгородцев отправилась на службу лишь в начале лета. Не получая денег и кормов, ратные люди в Гадяче начали массово уезжать со службы, причем это касалось не только рядовых солдат и рейтар, но и офицеров. Упомянутый нами полковник Яков Тур, не получив своевременно жалования за несколько месяцев, самовольно уехал в том же 1666 г. из места дислокации своего полка (Котельвы) в Белгород требовать причитающихся ему за службу денег. В Белгороде дьяки отказались выплачивать ему жалование, сославшись на отсутствие соответствующих указаний из Москвы, и Тур уехал «искать правду» в столицу. Вслед за ним из Гадяча в Москву за своим жалованием без разрешения воеводы уехали полковники Николай Балк и Анц Олоф Гран, ротмистры Мартин Болман и Анц Ульф, капитан Григорей Гамберк, поручики Андрей Беш и Кондрат Мер, прапорщики Анц Албрехт Канкстен, Яган Гренсон и Николай Балк (старший сын полковника Балка). Гадячский воевода Федор Протасьев, с одной стороны, пожаловался в Москву на их побег со службы, но в то же время указал, что причинами такого поступка были «притеснения гетмана» и «нестерпимые нужды», выражавшиеся в задержках поставок продовольствия и выплаты жалования. В столице рассмотрение дела беглых офицеров затянулось до весны 1667 г. К этому моменту война с Польшей уже завершилась, у государства отпала необходимость в содержании большого количества иноземных офицеров, и царское правительство решило использовать данную ситуацию для того, чтобы уволить всех беглых офицеров со службы и выслать их из страны без выплаты причитающегося жалования: «отпустить в свои земли, а за тот их побег [...] за прошлые службы кормов их не дано; а буде вскоре не поедут, выслать их с Москвы за приставы» [6. С. 208]. Однако, несмотря на царский указ, как минимум часть указанных офицеров осталась в России и продолжила службу. В частности, полковник Николай Балк уже в следующем, 1668 г. показан полковником солдатского полка в Каменном на Белгородской Черте и продолжал служить как минимум до 1689 г. Его сыновья Николай и Фридрих (Федор) также служили в царской армии, и младший из них, Федор Николаевич Балк (1670–1738), в итоге дослужился до чина генерал-поручика, кавалера ордена Александра Невского и должности московского губернатора (с 1734 г.). Яков Тур тоже продолжил службу в России и в 1670-х годах принял активное участие со своим рейтарским полком во всех походах на Правобережную Украину. Также удачно сложилась карьера и у Мартина Болмана, который дослужился к началу XVIII в. до чина генерал-майора и коменданта Азова.

На смену полкам Грана и Тура летом 1667 г. в Гадяч были отправлены рейтарский полк Ягана Гулица (27 начальных людей и 866 рейтар) и солдатский Дирика Графа (29 начальных людей и 787 солдат), а также 142 путивльских и черниговских дворян, и детей боярских, и верстанных казаков. В том же году на смену Протасьеву на воеводство в Гадяч был назначен Евсей Огарев. Согласно его отписке, из числа назначенных в

гадячский гарнизон ратных людей так и не явились на службу 715 чел. (33 дворянина, 535 рейтар и 147 солдат). Гетман Брюховецкий отказался снабжать белгородцев продовольствием, согласившись дать припасы лишь «старым солдатам» Балка, а царского жалования им было дано всего лишь на два месяца [7. Т. 7. С. 28–29]. Оказавшись без денег и еды, ратные люди начали массово убегать со службы и к началу января 1668 г. число дезертиров превысило тысячу человек. Беглецов, которые бежали по домам в центральные районы страны, как правило, ловили и отправляли обратно на службу. Например, в 1667 г. в Москве были пойманы и отправлены обратно в Гадяч 34, а затем еще 16 солдат. Еще одного, Ивана Назарьева, нашли в Ростове и также отправили обратно в полк Балка. В Севске были пойманы еще 33 беглеца [3. Оп. 9Е. Столбцы Севского стола. № 221. Л. 57–60, 170–177, 287–297]. Все они были высланы обратно на службу в Гадяч. Иначе дело обстояло с ратными людьми, набранными в приграничных белгородских уездах. Огарев посылал в эти города для розыска беглецов своих офицеров, но те «начальным людям учинились непослушны, на службу Великого государя в Гадяч не пошли». При этом в ряде случаев местные власти вставали на сторону служилых людей, например, в Новосиле воевода Павел Андреевич Неплюев разрешил местным рейтарам не ехать на службу в полк Гулица, сославшись на их «разорение от крымских и воинских людей» [3. Оп. 9Е. Столбцы Севского стола. № 216. Л. 302–308]. В результате по состоянию на 3 января в Гадяче в наличии имелось всего лишь 649 чел.: 109 путивлян и черниговцев, 288 чел. солдатского полка Николая Балка, 50 белгородских рейтар (включая 23 офицера) и 202 чел. полка Дирика Графа [7. Т. 7. С. 28–29]. На усиление гарнизона из Севска были срочно отправлены 100 московских стрельцов, которые прибыли в Гадяч буквально накануне мятежа Брюховецкого.

Мятеж в Гадяче начался 4 февраля. В этот день Брюховецкий в ультимативной форме потребовал от Огарева сдать порох и пушки и вывести царский гарнизон из города. Воевода поверил обещанию гетмана обеспечить беспрепятственный выход его людям до российских рубежей и согласился вывести гарнизон. Однако когда царские ратные люди подошли к городским воротам, то выяснилось, что они закрыты, и в этот момент гарнизон был неожиданно атакован казаками и мещанами. По словам рейтарского полковника Я. Гулица, его рейтары, шедшие в голове колонны, уже успели покинуть город, но затем казаки закрыли городские ворота, и не выпустили стрельцов и солдат во главе с воеводой. В этот момент некий «заводчик» Бугай набросился с саблей на Огарева, а остальные казаки напали на оставшихся в городе царских ратных людей. К сожалению, точно неизвестно, что послужило причиной этого нападения: была ли это заранее спланированная акция, либо причиной оказался какой-то инцидент. Несмотря на неожиданность нападения, Огареву и его людям удалось вырваться из города («воевода с не с большими людьми за город было пробились»), но бой продолжился в окрестностях Гадяча. Казакам удалось окружить и после недолгого боя сломить сопротивление остатков царского гарнизона, часть ратных людей была перебита, а большинство попало в плен. [7. Т. 8. С. 56]. Спасшийся при этом разгроме рейтарский прапорщик Индрик Еганов позднее рассказал, что в неравном бою погибли около

70 стрельцов и 50 солдат. Лишь около 30 человек стрельцов смогли вырваться из города, но многие из них были ранены («руки и ноги и головы познобили») и впоследствии умерли от ран. Остальные, включая полковников Я. Гулица, Д. Графа и еще около двух десятков офицеров, попали в плен. Брюховецкий через несколько дней отправил пленных рейтар и солдат под конвоем на подводах в российские пределы, а всех офицеров оставил при себе, и впоследствии они попали в руки к П. Дорошенко. Воевода Огарев был тяжело ранен в голову, и оставлен на лечение у гадячского протопопа, но так и не смог поправиться и через несколько недель умер. При этом казаки надругались над его женой («поругались, титку у нее отрезали»). Сам Еганов спасся в погребе у хозяина дома, где квартировал. Пересидев там три дня, прапорщик тайком выбрался из города и прибыл в Севск [7. Т. 7. С. 46–47]. В ситуации с избиением гадячского гарнизона царя Алексея Михайловича больше всего поразило то, что Брюховецкий «без всякие причины, невинное над Московские служилые люди, которые в Гадяче его же богоотступника оберегали, кроворазлитие учинил» [7. Т. 7. С. 49]. Первая ответная реакция была довольно жесткой и затронула даже не участвовавших в этих событиях жителей Гадяча: по царскому указу все находившиеся в российских пределах мещане должны были быть схвачены и высланы на вечное житье в сибирские города [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 623. Л. 553–554]. Осенью 1668 г., когда царские войска вновь установили контроль над Левобережьем, жители Гадяча справедливо опасались расправы и репрессий за февральские события, но к этому моменту эмоциональное впечатление, видимо, уже прошло и царские власти были настроены замирииться с казаками, и никакого наказания для города не последовало.

Разгромом гарнизона Огарева в феврале 1668 г. закончилась недолгая история российского военно-административного присутствия в Гадяче в XVII в. Избранный на смену Брюховецкому гетман Демьян Многогрешный сделал своей столицей Батурином, а присутствие царских воевод и гарнизонов Глуховскими статьями 1669 г. вновь было ограничено четырьмя городами: Киевом, Переяславлем, Черниговом и Нежиным. Тем не менее пример Гадяча позволяет показать насколько сложными и неоднозначными были правила и условия пребывания царских ратных людей в малороссийских городах. С одной стороны, они регулировались базовыми условиями договоров между российским правительством и гетманами, а также казачьей и городской старшиной. В то же время данные договоры прописывали лишь общие принципы и оставляли «за скобками» процедуры и нормы снабжения и финансирования царских гарнизонов, что приводило к системным проблемам и конфликтам во взаимоотношениях с местным населением. В частности, в Гадяче проблемы с продовольствием и невыплатой жалования во второй половине 1667 г. привели к фактическому дезертирству большей части гарнизона и утрате им боеспособности, что во многом способствовало его разгрому в феврале 1668 г.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ІСТОЧНИКИ

1. *Шевченко Ф.П.* Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII века. // Историчні студії: Збірка вибраних праць та матеріалів (До 100-річчя народження). Київ, 2014.
2. *Лазарев Я.А.* «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса: диссертация ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012; *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015; *Бабулин И.Б.* Каневская битва 16 июля 1662 года: забытая победа. М., 2015; *Алмазов А.С.* Украинские казацькі нежинские полковники и великороссийские нежинские воеводы в 1660–1680-е гг.: конфликты и сотрудничество // Громадянські протистояння в історії України: від непорозуміння і розбрату до національної консолідації: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці Чорної Ради в Ніжині (26 червня 2013 р., м. Ніжин). Ніжин, 2013; *Іваненко А.О.* До питання чисельності особового складу царських гарнізонів Лівобережної Гетьманщини після укладення «Московських статей» 1665 р. // Гілея: науковий вісник. Київ, 2014. Вип. 85; *Ігнатенко І.* До питання про чисельність московських військ, що брали участь у російсько-українській війні 1668 р. // Гетьман Петро Дорошенко та його доба в Україні: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці початку гетьманування Петра Дорошенка (16 жовтня 2015 р., м. Київ). Ніжин, 2015; *Пирог П.В.* К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. № 2.
3. Российский Государственный Архив Древних Актов. Ф. 210. Разрядный приказ.
4. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. I.
5. *Оглобин Н.* Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей в Малороссии // Киевская старина. 1895. № 12.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 5. СПб., 1853.
7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1872; Т. 7. 1657–1663, 1668–1669. СПб., 1873. Т. 8: 1668–1669, 1648–1657.